

Хайретдинов Дамир Зинюровичкандидат исторических наук, этнолог,
ректор Московского исламского института**ЗЕМЛЯЧЕСТВА НИЖЕГОРОДСКИХ
ТАТАР НА ЗАПАДЕ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ: ГЕНЕЗИС ГОРОДСКИХ
МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН
В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ****Аннотация:**

В статье рассматривается освоение с XVIII в. нижегородскими татарами-мишари западных территорий европейской части Российской империи. Приводятся причины данного явления: от вынужденного участия татар в строительстве Санкт-Петербурга до торгово-экономической мотивации. Описывается создание в Санкт-Петербурге, Москве, многих городах европейской части России, Финляндии, Эстонии общин, духовно опекавшихся имамами из числа нижегородских татар, и строительство мечетей.

Ключевые слова:

нижегородские татары, ислам, имамы, Российская империя, Санкт-Петербург, Ярославль, Финляндия.

Khairtudinov Damir ZinyurovichPhD in History, Ethnologist,
Rector of Moscow Islamic Institute**COMMUNITIES OF NIZHNY NOVGOROD
TATARS IN THE WEST OF THE RUSSIAN
EMPIRE: GENESIS OF URBAN MUSLIM
COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF
THE HISTORICAL PERIOD****Summary:**

The article deals with development of the western territories of the European part of the Russian Empire by Nizhny Novgorod Mishar Tatars starting from the XVIII century. The author considers the reasons of this phenomenon: from the forced participation of Tatars in the construction of St. Petersburg to the trade and economic motivation. The paper describes formation of communities patronized by imams from among the Nizhniy Novgorod Tatars, and building of mosques in St. Petersburg, Moscow, other cities of the European part of Russia, Finland, and Estonia.

Keywords:

Nizhny Novgorod Tatars, Islam, imam, Russian Empire, St. Petersburg, Yaroslavl, Finland.

XVIII столетие вошло в историю как период самых тяжелых испытаний в судьбе татарского народа. Экономические запреты и изменение статуса свободных людей, которым подверглись татары, привели к резкому падению престижа государства и государственной службы в глазах тех, кто положил многие жизни для защиты России. Многочисленные гонения по религиозно-национальному признаку усугубили сегрегацию татар от Российского государства и общества. Так, включение в 1697 г. служилых мурз и татар в ясачное тягло вызвало огромное недовольство в среде служилых татар, которые выражали свое возмущение через челобитные, напоминая царю о своих военных заслугах перед государством. Тем не менее, процесс, инициированный политикой Петра I, по избавлению от «татарщины» и «азиатчины» в стране было не остановить.

Парадоксальным результатом гонений стало стирание социально-сословных барьеров между разными слоями населения внутри все более консолидирующейся татарской нации. Уже к концу XVII в. «реальные социальные различия между служилыми и ясачными татарами были небольшими», а в дальнейшем говорить об их сословной разнице и вовсе не приходится – их реальный статус оказался фактически одинаковым: «с переводом в 1724 г. служилых татар на подушное обложение, завершилось низведение их в разряд государственных крестьян» [1, с. 237].

Первая четверть XVIII в. характеризовалась грандиозными реформами, затронувшими все слои российского населения, в том числе изучаемых нами нижегородских татар. Уже в первые годы столетия их стали привлекать к строительным работам с целью реализации грандиозного замысла Петра I – возведения в кратчайшие сроки «нового Амстердама» на Неве. В указе 1704 г., обязавшем провинции обеспечивать стройку рабочими, упомянуты и административные центры нижегородских татар (Арзамас, Симбирск, Курмыш и др.). В 1715 г. сюда прибыло более 1600 служилых мурз и татар из разных губерний, в том числе из Нижегородской – 120 человек. Высылка служилых мурз и татар на строительные работы в Санкт-Петербург и Петергоф с этого времени становится ежегодной. Кроме собственно Санкт-Петербурга, татары участвовали на работах в окрестностях северной столицы, пасли лошадей, заготавливали корабельный лес, работали на Олонецкой верфи. Людей гнали на строительство Санкт-Петербурга в принудительном порядке, забирая у семьи самых здоровых и трудоспособных мужчин. О большом числе погибших татар на стройках столицы говорят и скудные известия о мусульманских кладбищах, существовавших в петровское время на Выборгской стороне и на острове Котлин [2].

В начале XVIII в. Санкт-Петербург в татарской среде ассоциировался исключительно с самыми мрачными страницами в их жизни. Помимо тягот собственно строительства этого города, на служилых татар были возложены совершенно несвойственные этому военно-феодалному

сословию функции. Бывшие служилые татары, которые формально таковыми и остались, были приписаны к Адмиралтейству и стали исполнять «корабельную повинность». Проще говоря, они стали лесорубами (в терминологии тех лет – лашманы) в подчинении у безликого государственного аппарата. Татары стали привлекаться на работу по заготовке и доставке корабельных лесов с первых лет возникновения Адмиралтейства [3].

Формально оставаясь на воинской службе, в Адмиралтействе, служилые татары фактически превратились в тягловое население; «в прошлом остались привилегированное положение в обществе, относительно свободный и экономически стабильный образ жизни» [4, с. 152]. До 1724 г. эта повинность осуществлялась на безвозмездной основе, затем лашманам стали «платить копейки» – в прямом смысле этого слова. Зимой поденная плата конному лашману составляла 6 коп., пешему – 4; летом, соответственно, 10 – конному и 5 – пешему. Доказано, что труд лашманов обходился государству в 2,5 раза дешевле по сравнению с трудом вольнонаемных рабочих. А ведь помимо дармовой, тяжелой и физически изнуряющей работы, лашманы должны были выплачивать многие подати, выставлять рекрутов (до 1754 г.), выполнять иные службы. Так, в 1723–1734 гг. служилые татары и другие инородцы были отправлены «для строения крепостей в Баку и на Куру»; из посланных 5 тысяч по дороге умерло 3792 человека [5, с. 148, 167].

Издевательское отношение властей вынуждало нижегородских татар протестовать, этот протест выражался «ногами». Бегство из родных земель стало обыденностью. Тонкий ручеек мигрантов появился в северо-западном направлении. Хотя изначально поездки в Санкт-Петербург были связаны с его строительством и отнюдь не носили добровольного характера, к середине XVIII в. выходцы из Нижегородчины наряду с другими татарами стали переселяться в столицу на постоянное место жительства. Уже тогда здесь возникло такое компактное поселение нижегородских татар-мишарей, как район Пяти углов [6, с. 127]. Обращает на себя внимание тот факт, что представители этого субэтноса селились отдельно от татар – выходцев из Касимовского уезда, Казанской и Пензенской губерний. Впоследствии они составили основу первого мусульманского прихода столицы империи.

К сожалению, информация об имамах-нижегородцах в западных регионах Российской империи практически не систематизирована, особенно это касается деятелей более раннего периода XVIII – начала XIX вв. Например, нам ничего не известно об имамах в Эстонии, куда с 1781 г. начали переселяться нижегородские татары, в основном из села Андреевка Сергачского уезда [7]. Попробуем все же свести воедино информацию об имамах в городах к западу от Нижегородчины, которые до большевистского переворота 1917 г. духовно опекались выходцами из числа нижегородских татар (см. табл. 1).

Таблица 1 – Имамы-нижегородцы в городах на западе Российской империи

Имя религиозного деятеля	Годы жизни	Место службы; город	Годы службы
Абдрахимов Даян	1878–1910	Имам в Варшаве	1905–1910
Алимов Абдурахман Бедретдинович	1873–1928	Муэдзин 2-й Соборной мечети Москвы	?–1927
Алимов Бедретдин	?–1912?	Основатель, имам 2-й Соборной мечети Москвы	1904–1910/1912
Алимов Салахетдин Алимович	1882–1946	Имам Калуги	1911–1920-е
Алимов Сафа Бедретдинович	1866–?	Имам 2-й Соборной мечети Москвы	1910/1912–?
Ахтямов Самиулла Фаттахевич	1868–193?	Муэдзин, имам-хатыб Соборной мечети Петрограда (Ленинграда)	1914–1920; 1930–е
Басыров Камалетдин	1876–193?	Имам Курска; Соборной мечети Ленинграда	1914–1920; 1920–1931
Желялетдинов Ахат	конец XIX – начало XX вв.	Мулла г. Кимры Тверской губ.	начало XX в.
Нежеметдинов Жалылетдин	1876–1919	Имам Соборной мечети Петрограда	1915–1919
Садри Сямиулла	?	Первый гражданский имам Хельсинки	1907–1914
Сеид-Бурхан Хусаин	1877–1933	Основатель, имам мечети Твери	1905–1931
Сулеймани Абдулла Халилович	1886–1937	Казый ЦДУМ; имам Ярмарочной мечети Нижнего Новгорода; имам 2-й Соборной мечети Москвы	1912–1917; 1928–1930
Сулейманов Абдулвахид	1786–1862	Имам 1-го прихода Санкт-Петербурга; муфтий ОМДС	1822–1840; 1840–1862
Фаттахетдинов Абдулвадуд	1882–1954	Имам 2-й Соборной мечети Москвы	1914–1928
Хаким Вали-Ахмет	1890–1968	Имам Тампере; имам Хельсинки	1914–1962
Халиков Якуб Камолович	1884 или 1887–?	Имам Вологды; Соборной мечети Ленинграда; неофициальный имам Орехово-Зуево	1910–1916; 1920–1931; 1940-е

Продолжение таблицы 1

Юнусов Мухаммед-Зариф	1850–1914	Имам 1-го прихода и Соборной мечети Санкт-Петербурга	1888–1914
Юнусов Мухаммед-Шакир	1820–1905?	Имам, ахун 1-го прихода Санкт-Петербурга	1869–1888
Юнусов Фатех Аймалетдинович	1875–?	Муэдзин Соборной мечети Петрограда	1916–?
Юсупов Махмуд	1878–1922	Имам прихода, инициатор строительства и имам мечети Ярославля	1907–1922

Перед нами – лишь поверхностный срез огромной, интересной и практически никем не изученной картины «нижегородско-татарского имамата». Так, значителен список городов, где мы не знаем имена конкретных имамов-нижегородцев, хотя известно о наличии там мусульманских приходов, состоявших в основном из нижегородских татар. Таковы Владимир, Муром, Иваново, Богородск (ныне Ногинск Московской области), Терийоки (Зеленогорск, ныне в черте Санкт-Петербурга), Выборг, Таллин и другие.

В целом видно, что имамы из числа нижегородских татар были востребованы в самых разных направлениях от своей родины, в том числе северо-западном (Петербург, Ярославль, Тверь, Вологда, Финляндия) и западном (Москва и Подмосковье, Владимирская губерния, Польша).

Разумеется, нужно было обладать поистине выдающимися знаниями, чтобы в таких регионах, как славившиеся старинными религиозными традициями Среднее Поволжье, Урал, Крым, Узбекистан, добиться признания со стороны рядовых прихожан и местных духовных авторитетов. Конечно, в разных случаях действовали разные мотивы, когда имамов из числа нижегородских татар приглашали в эти регионы. Например, Ахтямов (Фаттахетдинов) Махмуд (Мяйдут, Мафтут, Мир-Мухамед) был имамом Ташкентской татарской соборной мечети, то есть был приглашен на это место татарской общиной, а не узбекской. Первоначальное образование он получил в татарской школе села Красный Остров (ныне Нижегородской области), затем учился в городе Петропавловске и в Бухаре. В качестве имама Ташкента участвовал в закладке Соборной мечети Санкт-Петербурга, которая состоялась 3 февраля 1910 г. в присутствии эмира Бухарского Абдул-Ахад-хана. Кстати, результатом этого стало то, что за имамом было установлено агентурное и наружное наблюдение [8, с. 262]. Для чего нужна была эта мера – совершенно непонятно; в любом случае она была бесполезна: связи у этого имама (возможно, с эмиром Бухарским или его окружением) были обширные и весомые. Доказательством тому служит тот факт, что брат Махмуда, Ахтямов Самиуллы, с начала открытия Петербургской мечети работал в ней муэдзином, после революции 1917 г. являлся ее заведующим.

Но и там, где появление выходцев из Нижегородчины было вполне естественным (обе столицы, города центральной части России, Финляндия с их татаро-мишарскими приходами), «пробраться наверх» было отнюдь не легко. Рассмотрим конкретный пример, как это могло происходить. Галимджан Галеев-Баруди, который впоследствии стал выдающимся богословом, мударрисом и первым демократически избранным муфтием Центрального Духовного управления мусульман России, имел очень тесные и дружеские связи с имамами-нижегородцами, многие из которых учились у него, в частности в крупнейшем российском новометодном медресе «Мухаммадия». Например, одним из его любимых учеников был Абдулвадуд Фаттахетдинов из села Красный Остров – родной брат Махмуда и Самиуллы Ахтямовых. «Рекомендация учителя сыграла решающую роль» при назначении 30-летнего Абдулвадуда имам-хатыбом второй Московской (ныне Соборной) мечети в 1914 г. В московском доме Фаттахетдинова муфтий Г. Баруди и скончался в 1921 г. [9].

Интересен еще один случай. В начале 1907 г. мусульмане Ярославля добились личного разрешения императора Николая II на возведение в городе мечети. Инициатива принадлежала имаму Зиятдину Сафарову, который жил в Ярославле, ориентировочно с весны 1906 по январь 1907 гг. Очевидно, это сын имама Костромы Тухфатуллы, который вел свою родословную от переселенцев из села Чембилей (ныне Нижегородской области) в село Азеево (ныне Рязанской области) [10, с. 197]. Он начал ходатайство «с верхов», в обход местной власти, направив прошение в начале января 1907 г. на имя министра внутренних дел о разрешении сбора средств на строительство мечети в Ярославле «между магометанским населением империи». Вероятно, у З. Сафарова были налажены хорошие контакты с чиновниками МВД, так как ответ из столицы пришел менее чем через месяц в адрес ярославского губернатора: «Государь император по всеподданейшему докладу министра внутренних дел в 4 день сего февраля высочайше соизволил на удовлетворение ходатайства уполномоченного в г. Ярославле магометан Зиятдина Сафарова разрешение производить между магометанским населением Империи в течение одного года сбор пожертвований в сумме до 20 тысяч рублей на постройку магометанской мечети в названном городе» [11, с. 34].

Однако к этому времени имам Зиятдин Сафаров покинул Ярославль, впоследствии в реестре мечетей и молитвенных домов Оренбургского Магометанского Духовного Собрания он числится военным имамом Виленского военного округа. Ярославской общине необходимо было

срочно избрать нового лидера. «Совет общины обратился к имаму костромской мечети, и тот дал адрес муллы Махмуда Юсупова» [12, с. 34]. Выходец из нижегородского села Антяровка М. Юсупов учился в медресе 10-го прихода Казани у Салихджана Баруди, брата Г. Баруди [13]. Своевременный приезд Махмуда-хазрата в Ярославль способствовал тому, что процесс землеотвода и дальнейшего строительства городской мечети успешно продолжился, в результате чего в 1910 г. здесь появилась деревянная, а в 1914 г. – каменная мечеть.

Имамы из числа нижегородских татар выступали инициаторами строительства мечети и в имперской столице, начиная с 1860-х гг. Одному из них, Мухаммед-Зарифу Юнусову, посчастливилось за год до смерти стать первым имамом новопостроенной Соборной мечети Санкт-Петербурга, которая возводилась невообразимо долго, с 1881 по 1913 гг. Его земляки добились возведения мечетей в Ярославле и Твери, попытавшись сделать то же самое в Вологде, Иваново, Курске, Калуге, но царские власти не позволили этому свершиться. По-видимому, гораздо больше было регионов и городов, где имамы-нижегородцы действовали неофициально и в условиях отсутствия мечетей.

Судя по ситуации в Петербурге, нижегородские татары часто становились имамами первоначально в качестве военных мулл. Возможно, это связано с большим числом военнослужащих из числа нижегородских татар. Действительно, огромные по численности списки рекрутов 1812–1813 гг. и солдат, воевавших в Первой мировой войне [14, с. 47–54] – уроженцев нижегородско-татарских аулов, подтверждают сказанное выше. Не случайно и то, что имам Костромы Т. Сафаров в течение нескольких лет в 1890-е гг. являлся военным муллой при управлении Нижегородского уездного воинского начальника, ежегодно бывая в Нижнем Новгороде «для исполнения духовных треб среди воинских чинов мусульман» [15].

Начиная со второй половины XIX в. выходцы из нескольких деревень Сергачского уезда Нижегородской губернии заложили основу ныне существующей татарской общины Финляндии. Около 1875 г. татары обосновались на территории Карельского перешейка, который тогда административно являлся частью автономного Великого княжества Финляндского. В летний сезон они занимались крестьянским трудом на своей малой родине, на юго-востоке Нижегородчины, а в зимний период торговали по всей европейской части России вплоть до Таллина и Санкт-Петербурга. Основными предметами торговли татар были меха и меховые изделия, текстиль, костюмы, ковры. Хорошие условия для торговли привлекли большое количество татарских купцов – выходцев из Нижегородчины. Сначала они приезжали сюда с собственными семьями, а потом к ним присоединялись их более далекие родственники; этот процесс растянулся до 1925 г.

Небольшие общины сложились в поселке Терийоки (ныне – Зеленогорск, административно входит в состав Санкт-Петербурга) и Выборге. К 1915 г. Терийоки значился в реестре мечетей и молитвенных домов, куда направлялись метрические книги из ОМДС. Известно, что здесь более 10 лет вплоть до 1920 г. проживал со своей семьей один из основателей татарской общины Тампере, зажиточный купец Зинетулла Имадетдин Ахсен Бере (1886–1945), уроженец села Актуково.

В 1939 г. в разгар Зимней войны по решению финских властей практически все гражданское население Карельского перешейка было вывезено вглубь страны. Жители поселка Терийоки оказались в городе Ярвенпяя (в 37 км от Хельсинки). Именно татары Ярвенпяя в 1944 г. построили первую мечеть в границах современной Финляндии, которая до сих пор является единственным в стране отдельно стоящим зданием с минаретами [16]. Татары Выборга после войны переселились в Тампере и Хельсинки, где к тому времени уже существовали татарские общины. Подавляющее большинство их членов также составили выходцы из 5 сел юга Нижегородчины: Актуково, Ключищи, Рыбушкино, Овечий Овраг и Чембилей. Известны имена ряда имамов Хельсинки (тогда – Гельсингфорса) и Тампере, в частности уроженцев Актуково и Рыбушкино – Самиллы Садритдинова [17], Вали-Ахмета Хакима.

В течение почти 150 лет, прошедших со времени поселения в Финляндии нижегородских татар, эта немногочисленная община сумела не просто сохранить свои религиозные и национальные традиции, но и занять значимую социальную нишу в обществе этой страны. Особо отметим, что вплоть до 1991 г. в этой скандинавской стране практически не было других мусульман, и именно татарам-нижегородцам принадлежит пальма первенства в знакомстве Финляндии с исламом. Так, именно их силами был впервые осуществлен перевод Корана на финский язык [18].

Резюмируя, следует сказать, что за относительно небольшое время с пореформенной эпохи и до революции 1917 г. нижегородские татары смогли успешно адаптироваться в многонаселенных и многонациональных городах запада европейской части Российской империи. В советский период их потомки составили большинство мусульманских городских общин Москвы, Ленинграда, Твери, Калуги, Ярославля, Иваново и других областных и районных центров западной

России, а также Финляндии и Эстонии. Сохранившиеся в этих городах по сей день мечети с прилегающей инфраструктурой и мусульманские кладбищенские участки являются во многом наследием именно этой группы татарской нации.

Ссылки:

1. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени. Казань, 1998. 296 с.
2. Файзрахманов И.З. Татары-мусульмане в строительстве Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII в. // *Ислам в Санкт-Петербурге : энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М., 2009. С. 237–240.*
3. Файзрахманов И.З. Адмиралтейство и татары-мусульмане в первой четверти XVIII в. // Там же. С. 8–9.
4. Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. Казань, 2002. 232 с.
5. Там же. С. 148, 157.
6. Тагирджанова А.Н. Места компактного проживания татар в Санкт-Петербурге // *Ислам в Санкт-Петербурге : энциклопедический словарь. С. 127–128.*
7. Мухетдинов Д.В. Нижегородские татары в Эстонии // *Ислам на Нижегородчине : энциклопедический словарь. Н. Новгород, 2007. С. 135.*
8. Россия – Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. М., 2011. 472 с.
9. Сенюткина О.Н. Фаттахетдинов Абдулвадуд // *Ислам на Нижегородчине : энциклопедический словарь. С. 180.*
10. Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам). Казань, 2010. 375 с.
11. Черновская В.В. Мусульмане Ярославля. Ярославль, 2000. 224 с.
12. Там же.
13. Хайретдинов Д.З., Мухетдинов Д.В. Юсупов Махмуд // *Ислам в центрально-европейской части России : энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов., 2009. С. 355.*
14. Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Нижегородские мусульмане на службе Отечеству (конец XVI – начало XX вв.). Н. Новгород, 2005.
15. Шарифуллина Ф.Л., Валиулин А.Г. Сафаров Тухфатулла // *Ислам в центрально-европейской части России : энциклопедический словарь. С. 255–256.*
16. Хайретдинов Д.З. Татаро-мусульманские общины Карельского перешейка // *LiteraruS – Литературное слово. Хельсинки, 2010. № 3 (28). С. 8–10.*
17. Хайретдинов Д.З. Интервью имама Татарской общины Финляндии Рамиля Беляева // *Ислам минбаре (Трибуна ислама). М., 2011. № 4 (185). С. 8.*
18. Хайретдинов Д.З. Финляндский опыт. История появления татар в Финляндии // *LiteraruS – Литературное слово. Хельсинки, 2007. № 4 (17). С. 90–96.*

References:

1. Iskhakov, DM 1998, *From medieval Tatars Tatars in modern times*, Kazan, p. 296.
2. Faizrahmanov, IZ & Khairetdinov, DZ (ed.) 2009, 'Muslim Tatars in the construction of St. Petersburg in the first quarter of XVIII century', *Islam in St. Petersburg: dictionary*, Moscow, pp. 237-240.
3. Faizrahmanov, IZ & Khairetdinov, DZ (ed.) 2009, 'Admiralty and Muslim Tatars in the first quarter of XVIII century', *Islam in St. Petersburg: dictionary*, Moscow, pp. 8-9.
4. Nogmanov, AI 2002, *Tatars Middle Volga and Urals in the Russian legislation of the second half of the XVI-XVIII centuries*, Kazan, p. 232.
5. Nogmanov, AI 2002, *Tatars Middle Volga and Urals in the Russian legislation of the second half of the XVI-XVIII centuries*, Kazan, p. 232.
6. Tagirdzhanova, AN 2011, 'Places of compact residing Tatars in St. Petersburg', *Islam in St. Petersburg: dictionary*, pp 127-128.
7. Mukhetdinov, DV 2007, 'Nizhny Novgorod Tatars in Estonia', *Islam on Nizhegorodchine: dictionary*, N. Novgorod, p. 135.
8. *Russia - Central Asia. T. 1. Politics and Islam in the late XVIII - early XX centuries* 2011, Moscow, p. 472.
9. Senyutkina, ON 2011, 'Fattahetdinov Abdulvadud', *Islam on Nizhegorodchine: dictionary*, p. 180.
10. Akhmetzyanov, MI & Sharifullina, FL 2010, *Kasimov Tatars (genealogy and ethnographic materials)*, Kazan, p. 375.
11. Chernovskaya, VV 2000, *Muslims Yaroslavl*, Yaroslavl, p. 224.
12. Chernovskaya, VV 2000, *Muslims Yaroslavl*, Yaroslavl, p. 224.
13. Khairetdinov, DZ & Mukhetdinov, DV 2009, 'Yusupov Mahmoud', *Islam in the Central European part of Russia: dictionary*, p. 355.
14. Senyutkina, ON & Guseva, YN 2005, *Nizhny Novgorod Muslims in the service of the Fatherland (end XVI - the beginning of the twentieth century.)*, Nizhni Novgorod.
15. Sharifullina, FL & Valiulin, AG 2009, 'Safarov Tuhfatulla', *Islam in the Central European part of Russia: dictionary*, pp. 255-256.
16. Khairetdinov, DZ 2010, 'Tatar-Muslim communities of the Karelian Isthmus', *LiteraruS - literary words*, Helsinki, no. 3 (28), pp. 8-10.
17. Khairetdinov, DZ 2011, 'Interviews Imam Tatar community in Finland Ramil Belyaeva', *Islam minbar (Tribune of Islam)*, Moscow, no. 4 (185), p. 8.
18. Khairetdinov, DZ 2007, 'Finnish experience. The story of the Tatars in Finland', *LiteraruS - literary words*, Helsinki, no. 4 (17), pp. 90-96.